

«ВЕЛИКИЙ КАНОН – ЭТО МУЗЫКА И РИТМ, КОТОРЫЙ ЗАДАЕТСЯ НАМ НА ВЕСЬ ВЕЛИКИЙ ПОСТ»

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

27.03.20

Наш сегодняшний собеседник – архимандрит Филипп (Симонов), доктор экономических наук, преподаватель, ученый, автор книги «Схолии на полях Великого покаянного канона». Этот объемный том, изобилующий иллюстративным материалом, подробно раскрывает нам смысл каждого стиха канона, на сегодняшнем современном языке повествует о скрытых смыслах и исчерпывающе доносит до читателя всю полноту замысла Божественного песнотворца – преподобного Андрея, епископа Критского.

И выяснилось, что жизнь в Церкви – это труд, в том числе и труд понимания

– Отец Филипп, как вы пришли к мысли создать «Схолии на полях Великого покаянного канона»? С чего началась работа над книгой?

– Началась работа именно с того, о чем вы сказали: Великий канон – это «двери поста», это «введение в пост».

Когда я сам впервые встал у престола, я вдруг внезапно обнаружил, что то, что мы с детского возраста воспринимали как естественное течение постовой мысли, как естественное течение событий, в те годы (а это было начало 1990-х) оказалось для многих людей противоестественным!

– Это произошло из-за новых прихожан?

– Да. Тогда в Церковь пришло очень много новых людей, причем не только из интеллигенции, но и самых простых людей, которые раньше посматривали в сторону Церкви, но делали это как-то боязливо. Потому что каждый из них понимал (особенно, если у него был партбилет в кармане), что если он зайдет в церковные двери, то потом отдаст свой партбилет (а подчас с ним вместе – и трудовую книжку). А к этому далеко не все были тогда готовы.

– Но эти люди искренне пришли в Церковь, когда она получила свободу...

– Эти люди пришли в Церковь с открытой душой, с открытыми глазами – в ожидании чуда, в ожидании милости, в ожидании некоего (не очень внятного) добра, но с абсолютным незнанием того, что в Церкви происходит.

– Вы имеете в виду особенности богослужения?

– Прежде всего, конечно, это касалось богослужения. И конкретно – богослужбного церковнославянского языка.

Когда мы, например, ходили детьми в церковь (а я, можно сказать, вырос на этом церковнославянском языке), нам никогда богослужбный язык не казался чем-то противоестественным – тем, что находится вне нас. Конечно, чего-то мы не понимали, но у кого-то нам можно было спросить, о чем-то мы сами догадывались. Ведь корни-то церковнославянского языка, собственно говоря, одни и те же с русским! Мы это знали, хотя и не были филологами.

– Если вы понимали многое детьми, почему же сегодня не понимают этого взрослые люди?

– Странно, но получилось так, что те люди, которые пришли в Церковь не очень давно, оказались довольно ленивы. Они ждали от Церкви «добра и чуда», но, в силу полного незнания жизни самой Церкви, они наивно думали, что чудо сейчас свалится с Небес, работать для него не надо.

– Но ведь многие из них на ту пору прочли и Библию, и Евангелие...

– Нет, мало кто читал тогда Священное Писание: как правило, это был запретный плод в советское время. А, между прочим, в Священном Писании сказано: «Царствие Божие нудится, и нуждницы (то есть те, кто с нуждой, с тягостью трудится) восхищают е». Так вот, этой «нужды» никто от Церкви тогда не ожидал!

И поэтому служба казалась чуждой: ты ходишь к обедне, но не понимаешь, что происходит в храме. А уж служба вечерняя особенно непонятна, обедня все-таки не так пространна, она более сжата и легка для понимания. А уж когда в храме много чтения, когда читаются каноны на вечерних или утренних богослужениях – это для многих прихожан оказалось просто темным лесом! И в особенности – Канон преподобного Андрея Критского, в силу того, что язык его (тот, который мы сейчас с вами употребляем), он и для церковнославянского достаточно архаичен. Я, например, думаю, что и в клире не все до конца понимают то, что там написано: там есть определенные слова, которые сегодня начинают трактовать по-своему.

– Может быть, проще было бы перевести текст на русский язык полностью?

– Да, в силу того что много сегодня стало таких «малограмотных», многие стали русифицировать этот текст канона, причем русифицировали его как-то очень селективно (скажем, заменяли повсюду «живот» на «жизнь»). Но мне почему-то кажется, что, когда мы говорим «живот», никто из присутствующих не думает воспринимать это в телесном смысле – это же понимают все! И заменять его «жизнью» поэтому совершенно не нужно.

– Тем более что есть действительно непонятные слова в тексте канона.

– Конечно. Вот, например, когда там говорится «тристаты», то это, может быть, стоило бы и пояснить. Ведь, как правило, тот, кто русифицирует текст, не знает, что такое «тристаты» (военачальники), как раз поэтому в эти тонкости ему вникать не хочется.

Выяснилось также, что люди оказались (простите, но я говорю правду – может быть, злую, но это правда) ленивыми. Я помню, как одна моя очень хорошая приятельница позвала меня однажды в свою православную гимназию с тем, чтобы я с учителями провел какие-то беседы. Гимназия эта была с обучением с 1-го по 4-й классы. Преподавателями этой гимназии были люди православные (по крайней мере они позиционировали себя как православные), некоторые – кандидаты педагогических наук. А беседа им нужна была какая-то укрепляющая, вдохновляющая – чтобы дух этой православной гимназии процвел бы и в дальнейшем. И начал я с того, что просил их к следующей нашей встрече прочитать две страницы из Евангелия.

И вот я прихожу на следующую встречу, радостный и довольный (мне тогда было еще не так много лет, я был окрыленный), и говорю: «Ну что, прочитали?» – «Нет...» А еще через три занятия я уже понял, что ничего читать они просто не хотят! В лучшем случае, хотят слушать: причем слушать в методически правильной форме, чтобы еще можно было законспектировать. Думать, а особенно – чувствовать евангельский текст – они совершенно не желали! Просто из-за собственной лени.

– Может быть, причиной была нехватка времени или загруженность на работе?

– Я никогда не поверю, что раз в неделю (мы встречались с такой периодичностью) в течение семи дней нельзя было найти время, чтобы прочесть две страницы евангельского текста на русском языке! О церковнославянском я вообще не говорю: если люди не хотят читать на русском, то на церковнославянском и подавно найдут причину не читать. Они скажут: «Это мне непонятно, я не хочу в это вникать».

Думать о Боге, а не о словах

– Но вернемся к Великому покаянному канону: он, слава Богу, читается у нас в храмах по-церковнославянски...

– Да, вот мы с вами оказались «у врат Великого поста». Мы открываем эти врата и... входим в избу-читальню!

– Что вы имеете в виду?

– Именно так! Что мы видим в храме? Выходит из алтаря клир, начинает петь хор, а в это время все присутствующие при зажженных свечах разворачивают свои конспекты (сейчас ведь издана масса текстов Великого канона с параллельными местами). И вот клир занимается своим делом на малопонятном церковнославянском языке (потому что никто не желает его понимать!), а народ погружен в свои собственные соображения, пытаясь что-то понять самостоятельно, следя параллельно за тем, что происходит в храме, и читая каждый свою собственную книжку.

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

Автор: Admin

27.03.2020 19:36 - Обновлено 03.04.2020 17:43

И что же у нас с вами получаются за «врата Великого поста»?.. Мы с вами в храм пришли стадом, мы – стадо Христово, мы вместе пришли. Видели вы, как овцы ходят? Они идут за вожаком, за тем, кто их ведет, – они идут единым телом: куда он – туда и они все. Они вместе всё и чувствуют, и ощущают.

А мы с вами – каждый как бы за своим «столиком», у каждого – своя лампочка-свечка, и только что не конспектируем... И мы называем это зачем-то «совместной молитвой».

– А вы пробовали это объяснять своим прихожанам, отец Филипп?

– Я на своем приходе много уже лет говорю: «Закройте книжки! Вы что-то обязательно поймете: мы читаем внятно, мы специально, намеренно читаем медленно. Если вы что-то не поймете, ну, тогда потрудитесь чуть-чуть: мы скажем «аминь», вы домой придете, тогда откроете там свой конспект! Если вы хотите лучше понимать, почитайте текст перед службой, например в транспорте. Там всего-то пятнадцать минут чтения. И тогда в храме вы не будете думать о словах, а будете думать о Боге и о том, зачем, собственно, мы собрались и пришли вместе к «вратам Великого поста».

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

Автор: Admin

27.03.2020 19:36 - Обновлено 03.04.2020 17:43

– Но это, наверное, все-таки в том случае, если духовенство (вы уже об этом, кстати, сказали) читает внятно и осмысленно?

– Мы об этом тоже поговорим...

Епитимия на пост

– Расскажу прежде, откуда книжка моя взялась. В ту пору, когда она начиналась (а это больше десяти лет назад), я был достаточно восторженным, относительно молодым клириком, который в обольщении своем думал, что, если людям растолковать смысл, они будут к нему относиться с большим уважением (я говорю сейчас о тексте Великого покаянного канона). Ведь канон – это же не просто его содержание!

– Вы обещали рассказать, почему нам так важно сохранить церковнославянский текст?

– Да. Почему мы в самом деле не отказываемся от церковнославянского текста? Во-первых, потому, что это калька с греческого текста. По-гречески канон вообще положено петь, потому что «тропарь» (а Великий канон состоит из тропарей) – это то, что поется. Тропарь не читается! Значит, в нем есть ритм, в нем есть мелодика. И когда канон переводили на церковнославянский язык, старались максимально сохранить его ритм и мелодику!

Это не всегда получалось, но в принципе, если внимательно слушать и самому понимать то, что ты читаешь, ты это тоже улавливаешь! Канон передает содержание в высокой поэтической форме. Это – именно поэзия, это – именно музыка, именно ритм, который задается нам всем на весь Великий пост! Этим каноном задается наше отношение к процессу поста! Ведь пост – это не «перевод с церковнославянского на русский», пост – это наша душа. Бог и душа – больше ничего для поста не нужно!

– То есть вы решили подробно объяснить каждый тропарь Великого канона?

– Я так и полагал: если люди потрудятся и, Бог даст, прочитают и поймут смысл того, что написано в Великом каноне, это им немножко облегчит вхождение в Великий пост. А войти в пост – это всегда трудно. Ведь фактически из шумного всегда мира мы должны сразу выйти в тишину!

Может быть, моя книжка – это некая епитимия читающему на весь постовой период...

– Епитимия – это некое наказание?

– В данном случае епитимия – это когда надо себя немножко ущемить и потрудиться. Потому что прочитать книгу полностью – это епитимия не на один пост: книга объемная. Но книга обязательно должна подвигнуть человека к знанию, потому что вера есть род знания. Об этом и апостол Павел говорит: мы верою познаем то, что не поддается разуму. И здесь открывается широкий путь разуму, который помогает вере познавать вещи невидимые – именно то, что открывает нам преподобный Андрей Критский.

«Мне было очень обидно за преподобного Андрея!»

– Но были и еще какие-то цели для написания этой книги, не только дидактические?

– Да, был еще один момент – может быть, несколько детский, ребяческий. Мне просто было очень обидно за преподобного Андрея! Во-первых, и подвижником он был великим, и за веру пострадал, и гениальные богослужебные тексты нам оставил. А сейчас пребывает в каком-то странном забвении.

– Может быть, это проявляется только в России? А как на родине преподобного?..

– Когда я впервые прилетел на Крит, то хотел там раздобыть хотя бы икону святого Андрея Критского (а в ту пору туда было очень проблематично добираться). И вот как-то в одном монастыре я поведал некоей гречанке о своем желании. А она мне в ответ: «У нас много-много и других хороших святых. Пойдемте, я покажу вам икону вот такую...» И так мне стало обидно за преподобного Андрея, что я мысленно воскликнул: «Господи, прими мой труд во славу преподобного Андрея!» Может быть, в этих бранных страничках моих хоть что-то к величанию преподобного Андрея будет добавлено, какой-то новый этап добавит к почитанию его памяти, привлечет к нему внимание пусть не греков (потому что книга моя не для греков написана), но хотя бы наших простых людей, внушит им какое-то почтение к этому святому, раскроет новый аспект в понимании личности этого великого подвижника. Собственно, наверное, эти два основных момента и лежали в основе написания «Схолий на полях Великого канона».

– Вы долго писали этот труд?

– Книга писалась очень долго, писалась очень тяжело, потому что, действительно, ведь вся Библия (практически без остатка) там присутствует! И если не понять совсем эту библейскую основу (собственно, это первые четыре дня Великого поста), то мы остаемся ни с чем – ни со знанием, ни с духовным питанием! У нас ничего духовного не останется, мы просто попытаемся мало (или скудно) питаться. Но это ведь, наверное, не является постом в строгом смысле этого слова...

– Думаю, напрасно вы назвали свой труд епитимией. Для меня лично (уверен, как и для многих читающих людей) он является скорее наградой. Это, на мой взгляд, очень легкое поэтическое чтение. Кажется, это именно то, что в пост хорошо прочитать каждому.

Власть суетного времени

– Раньше было в ходу такое слово – «боголюбцы» или «христоролюбцы», сейчас таких людей, к сожалению, встречается все меньше и меньше. Но, отец Филипп, как вам кажется, почему сегодня священство относится зачастую к чтению Канона, скажем так, равнодушно, ведь эта служба происходит всего лишь раз в году?

Если мы, миряне, как правило, обременены своими житейскими заботами, то как же не подготовиться к чтению и к службе священнику, пастырю, архиерею?! Когда мы вспоминаем 70–80-е годы прошлого века, этого равнодушия и безразличия, как кажется, не было в Церкви! Службы совершались, как правило, медленно, благоговейно, со смыслом. Как вы считаете, что произошло?

– Ну, наверное, веяние суетного времени касается нас всех... Для меня, например, образцом чтения Великого канона всегда было чтение покойного Святейшего Патриарха Пимена: это было удивительное чтение и служение! И оно было таким потому, что это было не только внятное, но и музыкальное чтение. Святейший Пимен в молодости регентовал хором, церковная музыка была частью его жизни, частью его души. Он ее слышал, понимал и пытался вложить душу в свое чтение. Он и говорил-то так, как будто пел: таким, знаете ли, простым речитативом, который всегда ложился на душу. У него есть очень много, например, кратких проповедей; но если ты их не только читаешь, но и помнишь, как он это произносил в храме, то помнишь и то, какое это производило всегда удивительное впечатление! Бумага этого не передает, надо было голос слышать! Кстати, сейчас есть записи чтения Святейшим Пименом Великого канона. Тем, кто этого не слышал, я очень рекомендую приобрести, скачать, может быть, эти записи и обязательно их послушать!

– Вы сказали о «суетном времени». Что вы имели в виду?

– Что касается времени... По-моему, у кого-то из пророков сказано: «Что будет с

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

Автор: Admin

27.03.2020 19:36 - Обновлено 03.04.2020 17:43

народом, то будет и со священником». Священник ведь берется не из воздуха, он не с Луны прилетает: он из народа происходит. Соответственно, воспитание, которое дает нам общая социальная среда (а социальная среда – это субстанция крайне зависимая от внешнего состояния: от экономической, политической жизни, от тех трудов, в которые погружен каждый из членов этой социальной среды), невидимо оставляет на нас свой отпечаток.

И, может быть, сам по себе священник очень хороший человек, просто научить его некому! Хорошо, если рядом с учеником стоит ментор с линейкой и за каждое неправильное ударение бьет по пальцам, и тогда правильное ударение у тебя реально «отпечатывается» в памяти и ты уже никогда не ошибешься!

Итак, с одной стороны, его просто некому «остановить» и научить правильно (кстати, сам ты никогда не «остановишься» и не переосмыслишь себя), а с другой стороны, ведь вроде нет и потребности в этой «остановке» (по методе «и так сойдет»).

– Неужели и такая «метода» сегодня применяется?!

– К сожалению, эта метода у нас тоже присутствует. И не батюшки тому виной, а то время, которое заставляет их «ломаться под себя».

Знаете, я всегда был преисполнен огромным уважением к тем, кто восстанавливает храмы, поднимает из руин здания, строит новое. И вот когда человек с утра до ночи этим занимается – восстанавливает, поднимает, строит, – ну как с него спросишь, что он, например, не прочитал положенное перед службой, не подготовился, не выяснил, где стоит правильное ударение? Не полез в словарь, чтобы посмотреть значение того или иного слова?.. Разве это возможно? Да он и не поймет твоих претензий!

А ведь перед Великим канонем не только надо в церковнославянский словарь заглянуть, а где-то – и в греческий, а где-то (где греческого не хватает) в английский лексикон... Так что нужна достаточно глубокая подготовка. Но требовать этого с человека, когда он, простите, занят другим (от чего тоже есть польза, ведь мы не скажем, что человек строит зря), трудно...

– Но все-таки богослужение, на мой взгляд, важнее стен и зданий?

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

Автор: Admin

27.03.2020 19:36 - Обновлено 03.04.2020 17:43

– Знаете, я был еще совсем молодым человеком, когда один лаврский архимандрит сказал мне по поводу малочисленности прихожан в наших храмах: «Ну, как было раньше: приходил авва – великий светильник, вокруг него собирались ученики, строили деревянные стены, деревянную церковь. Потом христороубцы присоединялись, строили каменные стены, и образовывался большой монастырь. А сейчас у нас и стены каменные есть, и прихожан много, и христороубцы есть – только авва где?!»

– То есть причиной всему является недостаток духовного руководства?

– Да, вероятно, за недостатком этого аввы, может быть, у нас и возникло несколько такое «облегченное» отношение к богослужебной практике. Но, конечно же, только к внеевхаристической ее части! Что же касается Евхаристии, то каждый, кто стоит у Престола, бесспорно, понимает, какое великое Таинство он совершает (и не он даже совершает, а Христос совершает его руками, мы же – только руки, мы – голос, мы – уши, мы – тело, которое управляется Головой, а Голова совершает все с нашим посильным участием). А все остальные службы суточного круга просто кажутся не столь великими, они не столь страшны, они скорее учительны. Это педагогика. И в этой «педагогике» каждый батюшка – сам себе методист.

– Вроде бы к церковной жизни нехорошо применять подобные термины...

– Почему же? Это общепринятая практика. Например, в школе есть методика преподавания какого-то предмета, и каждый педагог выбирает себе собственную методику преподавания, исходя из собственного педагогического опыта. Кто постарше, тот работает поаккуратнее, внимательнее относится к проблеме. А кто помоложе – ну, есть масса проблем, которые на методику влияют в сторону ее сокращения.

– Как это перевести на наш, церковный язык?

– Дело в том, что, с одной стороны, мы все-таки довольно жесткие люди в нашем русском Православии. Ну нет у нас разницы между монастырским и приходским уставом. С другой стороны, понятно, что на приходе никто никогда монастырским уставом служить не будет, да и не делал этого.

Насколько я знаю, в Киеве один лишь раз спели всенощное бдение полным чином: продолжалось оно восемь часов! К этому богослужению вся семинария и академия готовились очень долго (это было в начале XX века), потом хотели повторить, но больше не собрались. Значит, этот чин для прихода невозможен физически: всенощное бдение в восьмичасовом исполнении никто не прослушает никогда!

– Но «эксперименты» с богослужением, пусть не большие, все равно сегодня на приходах существуют?

– Да, каждый священник порой начинает «экспериментировать» по своему разумению: где-то «обрезал», где-то сократил, где-то кафизму без псалма оставил и т.д. и т.п.

И в итоге у нас в Церкви получается некая система ЕГЭ: слышал звон, в основном же не очень хорошо себе всё представляю, но в целом – экзамен я сдал! А потом, может быть, даже в институт поступил!..

– Один из наших авторов постоянно напоминает, что только Господь силен все исправить...

– Да, наверное, это просто беда нашего времени. И поскольку Господь пока терпит – значит, это пройдет! Если это не должно было бы пройти, Он бы это Сам пресек, но поскольку Он это терпит, значит, и нам надо это перетерпеть. Но самим не нужно в этом

соучаствовать!

Вот почему я против этой «избы-читальни»: если вы видите рядом какой-то непорядок, то наведите прежде порядок в себе! Не надо учить Церковь: Церковь себя научила уже в течение 2000 лет – и продолжает учить! Вы ей ничего нового не скажете, к сожалению!

Ту интеллигенцию, которая в 1990-е годы пришла в Церковь, мне всегда было жаль в том плане, что эти люди пришли учить! Не учиться у Церкви, а пришли ее учить: как служить, как богословствовать, как вести какие-то хозяйственные дела, по каким правилам все это совершать...

Помню, одна дама меня учила: «Ты тут сократи, это не надо, тут побыстрее...» Я возражал: «Матушка, простите, но у меня устав есть. А вы и устав – это разные величины! Лучше я буду следовать уставу, а ваши слова я слою в сердце своем, но исполнять пока воздержусь!»

К сожалению, эта «учительная струя» сегодня присутствует в нашем обществе, но что

поделаешь: интеллигенция на то и интеллигенция, что она учит. Это ее основной признак. С одной стороны, она всегда со всем не согласна (это сразу было ясно, как только она образовалась), а с другой стороны, она всегда чему-то учит, иногда даже хорошему. Вот она пришла в Церковь и начала ее учить вместо того, чтобы у нее учиться. Не надо Церковь учить: она находится под мудрым водительством, у нее Христос есть! И лучше послушать, что Христос говорит, почитать, вникнуть.

«Церковнославянский язык дух поднимает!»

– А как вы относитесь к переводу богослужения на русский язык? Такие эксперименты ведь проводились не так давно в нашей Церкви.

– Очень поддерживаю идею перевода богослужения на русский язык – но только лишь в справочном порядке!

Я какое-то время служил в Англии, в англоязычных приходах, так там не одну сотню лет идет дискуссия по каждому английскому термину, употребляемому за богослужением, в плане его соответствия греческому оригиналу. Они там бьются в дискуссиях на уровне

схоластики XII–XIV веков, чуть ли не в рукопашную бьются!

Навязать же всем свой перевод, без его общецерковного обсуждения, можно, но только лишь в плане консультации. Если кто-то чего-то не понял, то вместо того, чтобы додумывать самим, там объяснят!

У меня был удивительный пример, когда женщина спрашивала про текст молитвы «Достойно есть, яко воистину блажити Ты, Богородицу...» Она спрашивала меня: «А как это – “достойно есть”?» Я сначала вопрос не понял, а потом вдруг до меня доходит, что речь идет о процессе поглощения пищи: то есть как это надо достойно есть (вкушать), чтобы все остальное, указанное в молитве, произошло? И вот чтобы люди сами не выдумывали такие трактовки молитв, исходя из бытового понимания церковнославянского языка, эти переводы, видимо, нужны.

Но за богослужением нужно всё оставить по-прежнему: не зря и греки упираются все тексты оставить на византийском языке (на среднегреческом), не зря католики стоят за свою латынь. А сколько было слов, что «после II Ватиканского собора, который модернизировал литургию»... Так вот, я хочу подчеркнуть, что II Ватиканский собор не модернизировал литургию (после Павла VI начались эти попытки, а собор и не думал, что это произойдет). Там были выступления резко противоположные, и собор никакого такого решения не принимал!

Была прекрасная картинка 1960-х годов, наглядно иллюстрирующая «модернизацию литургии»: церковь, священник, прислуживающий мальчик. И священник мальчику объясняет: «II Ватиканский собор открыл двери для всего церковного народа...» И мальчик спрашивает, указывая на дверь: «И народ вышел?..» На картинке они в церкви стоят вдвоем, а на улице народу полно. Вот к чему приводит подобная модернизация.

Так вот, я хочу сказать, что сейчас, особенно после конца понтификата Иоанна Павла II, после движения назад, к латыни, к Тридентской мессе, все идет наоборот. Все всё понимают: ясно, что всем лучше – на национальном языке, но они молиться хотят на латыни тем не менее. И таких людей все больше и больше! И даже в Америке, которая для нас постоянно является некоей «цитаделью глобализма», это движение, связанное с латинской традиционной мессой, сегодня особенно сильно.

– То есть какие-то «церковные корни», связанные с богослужебным языком, действительно существуют?

– Не зря церковные конфессии стоят на богослужебном языке! Те же армяне – они никуда со своего богослужебного языка не сойдут! Потому что человеку нужно работать

душой. А тот богослужебный текст, который записан в наших богослужебных книгах, стимулирует эту работу. Он не только разум стимулирует, он и дух поднимает! И воздействует он своей, прежде всего, поэтикой и тем смыслом, который далеко не всегда передает русский перевод.

Мы, кстати, это очень хорошо знаем по переводу Священного Писания, где зачастую в церковнославянском тексте речь идет об одном, а в русском переводе – о противоположном. Поэтому возлагать на себя ответственность за смену богослужебного языка вряд ли стоит, но всячески помогать людям воспринимать правильно тот текст, который нам дан, это, конечно, Церковь обязательно должна делать! И тут моя книга – лишь один из вариантов подхода к этому делу.

Люби богослужение – и сердцу станет всё понятным

– Отец Филипп, но образы, которые преподобный Андрей предлагает для нашего размышления, все-таки воспринимаются молящимися по-разному. И мне почему-то кажется, что те бабушки, те простые прихожанки, которые наполняли в советское время храмы, воспринимали богослужение и, в частности, сложный для понимания Покаянный канон сердцем. А сегодня не получится так: ну, не подготовился ты дома по конспекту, не прочитал русский перевод, может быть, не много поймешь из того, что услышишь от священника в храме, – но ведь смысл и понимание входят в душу и каким-то иным путем? Согласитесь, но мы же оставляем место и Божиему Промыслу, и Божественной благодати? И эти святые слова канона все равно входят в наши души и сердца, и нельзя сказать, что мы неосознанно участвуем в богослужении?

– Тем, кому нужно, Господь Сам открывает всё то, что ему полезно. Я помню себя в Церкви, по крайней мере, уже больше пятидесяти лет. И у меня сложилось такое впечатление, что эти бабушки, стоявшие у подсвечников, не поменялись! Почему-то с возрастом они обретают все одно лицо (и, извините, один характер, потому что они все достаточно «твердые» по поведению и дисциплине – если надо, они тебя на место поставят довольно быстро, понятно и доходчиво). Но при этом – они просто очень любят богослужение! И даже бабушки, которые пришли из наших, «комсомольских» времен, тоже очень его любят. И они как-то перековались: просто был период, когда они с прежним комсомольским задором устраивали собрания на приходах, какие-то конкурсы, мероприятия – так вот, всё это перемололось, и возникли нормальные, бытовые (если можно так сказать) христиане.

– Бытовые христиане, нормальные христиане – это кто, по-вашему?

– Это те люди, для кого христианство – не только повод прийти в храм, чтобы поставить свечку, но и помолиться, а главное – жить по-христиански в обычном быту! И вот когда христианство становится таким бытовым, тогда возникает несколько другой уровень внутреннего понимания.

Беседа с архимандритом Филиппом (Симоновым)

Автор: Admin

27.03.2020 19:36 - Обновлено 03.04.2020 17:43

Если ты каждую неделю хотя бы на немножко заходишь в церковь, то церковнославянский язык тебе уже не будет чужим, потому что большую часть текста все-таки люди именно слышат в храме! Но самое главное: когда они приходят к «дверям поста», они понимают, что пришли в храм помолиться! Причем помолиться не индивидуально (потому что индивидуально это можно сделать и дома: встань перед иконами и помолись, но ты при этом будешь один!). А тут – мы все пришли в Церковь, пришли в храм. А Церковь – это «екклесия», «собрание верующих», и люди пришли в этом собрании побыть и одними устами («единими усты», как говорит нам богослужебный текст) вознести молитвы Богу. И в этот момент Господь открывает даже то, что, может быть, не совсем понятно иногда и со словарем! Вот этого состояния молитвенного я всем желаю.

С архимандритом Филиппом (Симоновым)

беседовал Николай Бульчук

<http://www.pravoslavie.ru>